

Avdusin, Daniil Antonovič

Археологические данные о внешних связях Гнездова

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. E, Řada archeologicko-klasická. 1989-1990, vol. 38-39, iss. E34-35, pp. 53-60

ISBN 80-210-0167-4

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/109514>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ДАНИИЛ АНТОНОВИЧ АВДУСИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ВНЕШНИХ СВЯЗЯХ ГНЕЗДОВА

Курганы и поселение, образующие известный археологиченкий комплекс Гнездово, находятся, в основном, на правом берегу Днепра в 12—15 км к западу от Смоленска. С Гнездовом связан ряд важных выводов, на его материалах построено много гипотез и предположений (АВДУСИН 1969, 1972, 1974, 1977; АВДУСИН—ПУШКИНА 1982, 1987). Гнездово часто называют торговым центром на Верхнем Днепре, его иногда считают перекрестком международных торговых путей. Последнее утверждение шатко, так как, во первых, конкретное направление перехода с Днепра или Двины на Волгу до сих пор не известно: ни одно из предположений не выдержало критики. Во вторых, торговые пути пересекаются в том месте, где начинается путь по Двине вниз, к Балтике, т. е. в месте впадения в Двину р. Каспли (у г. Суража), а вовсе не в Гнездове, т. е. этот перекресток отстоит от Гнездова на 120—150 км. В целом же, топографическое изучение верховьев Днепра и Двины пока не может служить точкой опоры, а поэтому единственно возможным способом изучения и оценки внешних контактов Гнездова остается анализ гнездовских импортов.

Известно, что обмен, возникший в каменном веке, еще существовал в период, предшествовавший образованию и становлению Древнерусского государства. С возникновением денежного обращения, с появлением рынков складываются торговые связи, торговля, которые еще долго отражают особенности предшествующей эпохи. При этом внешние, межгосударственные, дальние связи прослеживаются гораздо лучше внутренних: между городом и деревней, между городами и особенно внутригородские. Вещи из дальних стран различаются и узнаются лучше, чем изделия разных ремесленников в одном городе, продукция городских мастеров неотличима на раннем этапе от деревенской.

В этом отношении наиболее ярки скандинавские вещи, отличающиеся формой, назначением и характерным орнаментом в стиле Еллинге и Борре, совершенно чуждым изделиям русским. Благодаря этому об-

стоятельству скандинавские вещи, найденные в Гнездове, обратили на себя внимание раньше других импортов. Они представлены скандинавскими украшениями, культовыми вещами, предметами снаряжения воина и коня. Особенно заметны часто золоченые фибулы — скорлуповидные, круглые, равноплечие и др. которые оставляли часть племенного женского наряда и в нескандинавской среде не использовались (ПУШКИНА 1972). Торговать ими в Гнездове было бессмысленно: наряд местных женщин был подчинен иным закономерностям и иной моде. О многочисленных бусах речь будет ниже: все они нескандинавского происхождения (ФЕХНЕР 1959). Привески часто имеют межплеменной характер, их небольшая часть изготовлена в северном стиле, остальные же могут быть местного производства, Любопытны привески, изготовленные из предметов иного назначения, например, из поясных бляшек. Имеются и привески из дирхемов. Таким образом, нет оснований предполагать, что и этот вид украшений служил предметом торговли в Гнездове. Этнический характер мужских украшений тот же: часть из них изготовлена в Скандинавии и прибыла на Верхний Днепр на своих владельцах, другая же часть этнически аморфна. Вещи, относящиеся к языческому культу — железные гривны с привесками типа „молоточков Тора“, привески в виде набора моделей оружия, щитовидные и кресаловидные подвески, привески в виде „птичек“ и им подобные имели значение только в скандинавском культе, в иных условиях теряли свой смысл, а поэтому вряд ли могли иметь спрос. Предметы конской сбруи — уздечки, удила, стремяна, крестовидные распределители на пересекающихся ремнях, седла имели большей частью межплеменной характер и найдены в минимальном количестве, что не допускает их трактовку как предметов торговли. Вооружение скандинавских воинов первоначально, видимо, было общеевропейским: каролингские мечи с инкрустированными надписями — клеймами рейнских мастеровских, единичные скрамасаксы, единичные же удлинённые и массивные скандинавские наконечники копий, ланцетовидные и трехгранные стрелы, полушарные умбоны на щитах составляли характерный набор оружия. Характер дружины был межплеменной, поэтому перечисленные виды оружия могли быть и у славянского воина. Этот набор дополнялся местными типами: русскими кольчугами и сферо-коническими шлемами, ромбовидными стрелами и копьями. В Гнездове нет тяжелых топоров викинггов — они появились только в XI веке. Местные формы оружия, вероятно, можно было купить или заказать местным мастерам, в отличие от привозных. Заезжие скандинавы ценили свое оружие, почитали его, с ним были связаны различные верования в его особую силу, а поэтому свое оружие варяги не продавали. Иногда считают, что пять мечей, найденных на дне Днепра у о. Хортица в 1928 г. были предназначены для продажи, но могло быть и иначе: на опасном месте — порогах, воины сняли мечи с себя, чтобы они не мешали управлять лодкой, но она все таки перевернулась и мечи оказались на дне реки: предосторожность не помогла. Тем не менее, вряд ли следует сомне-

ваться, что западноевропейские мечи были привезены на Русь именно скандинавами. Но число находок этого оружия невелико: по подсчетам А. Н. Кирпичникова на 1966 г. было известно 108 мечей IX—X вв., теперь это число немного увеличилось. Несомненно, что в своей массе они принадлежали варягам. Остальных видов скандинавского оружия много меньше. Таким образом, среди скандинавского инвентаря нельзя указать предметы, которые могли бы быть предназначены на продажу.

По-иному обстоит дело с предметами, происходящими из Византии и ее провинций. Прежде всего, поражает большое число найденных в Гнездове стеклянных бус. Они имеют в большинстве византийское происхождение, только сравнительно небольшая часть происходит с Востока, а на Руси стекольное производство возникает под византийским влиянием лишь в конце XI в. В Гнездове известно около 3000 стеклянных византийских бус, из них 1360 найдено при раскопках поселения (подсчеты Т. А. Пушкиной). Некоторые экземпляры не имеют дырочки для продевания нити, значит, бусы продавались не поштучно и не в ожерельях, а какой-то мерой объема или веса. Их товарный характер несомненен. Найден и обломок привозного стеклянного сосуда.

Из раскопок селища происходит небольшой энколпион, который датируется временем около 1000 г. Он, конечно, тоже византийский (АСТАШОВА 1974).

В пяти ингумациях Гнездова найдены остатки одежд из льняных и шелковых тканей. Они исследованы И. ХЭГГ (1974, 107—108) и М. В. ФЕХНЕР (1982, 124, 126). Лен мог быть как местным, так и привозным. Остатки одежд из льна в двух случаях имеют следы гофрировки — гофрированные рубашки известны в более раннее время (II в.н.э.) у балканских народов, а затем эта мода распространяется в Византии, где известны плиссированные хитоны. Есть гофрированные рубашки и в Бирке (Швеция, IX—X вв.), где они рассматриваются как импорт из Византии. Видимо, о гнездовских одеждах нет основания думать иначе. Но в каком количестве они привозились — сказать невозможно. Может быть, найденные в Гнездове были вывезены только как предмет личного обихода. Есть в Гнездове и другие остатки тканей, среди которых остатки как гладких, так и с вытканными узором шелковых одежд, вероятно, верхних. Есть тканые шелковые ленты или тесьма. Гладкий шелк — продукция текстильных мастерских Византии. Узорная ткань с золотными нитями происходит из Испании, где, по сведениям арабских источников, в X в. уже применялись в шелкоткачестве золотные нити. Шелковые ткани — одна из важных статей испанского экспорта на рынки Европы и Византии, где, видимо, были приобретены и гнездовские образцы. Русские купцы, как свидетельствует летопись, покупали паволоки в Византии. Но торговали ли подобным товаром в Гнездове — сказать трудно.

Свидетельством торговых сделок, совершавшихся русскими купцами в Византии, являются византийские монеты, найденные в Гнездове. Их пятнадцать: 2 золотых, 5 серебряных, 8 медных.

Курган № 13, раскопанный в 1949 г., содержал несколько сосудов: местные, изготовленные без гончарного круга, и два круговых, несомненно привозных. Один из них найден целым. Это маленький туалетный кувшинчик, внутри которого сохранилась янтарная бусина, сгоревшая бы на погребальном костре, если бы она не была, видимо, умысленно, но с неизвестной целью, положена в кувшинчик. Другой сосуд найден в черепках, разбросанных по всему кострищу. Он представлял собой прекрасно сформованную и отлично обожженную средневековую амфору. Это первый экземпляр длинной серии таких сосудов, называвшихся на Руси корчагами, хорошо известных в русских домонгольских городах. Сначала их археологи называли корчагами „киевского типа“, но их исследование выяснило неправомочность такого названия: они производились, как и полагается амфорам, в Византии и ее провинциях (ЯКОБСОН 1951, 331—333). Гнездовская корчага сохранилась почти полностью. На ее тулове обнаружена древнейшая русская надпись начала X в. (АВДУСИН—ТИХОМИРОВ 1950). Надпись кириллическая и означает „горчица“. Это была весьма ценная в средневековье пряность. В ее значении, как предмета торговли, сомневаться не приходится. Корчаги также стали постоянным предметом импорта.

В курганах Гнездова найдено полихромное блюдо с изображением крылатой собаки — Сэнмурва, древнеиранского божества. Изображение собаки-птицы было воспринято и творчески переработано греческими мастерами. Другая находка в Гнездове — кружки с изображениями кругов с вписанными в них розетками. Рисунок типичен для полихромной керамики Константинополя. Удивительно, что такой знаток археологии, каким был Т. Арне, предположил ее китайское происхождение (АРНЕ 1928). Третья находка сильно пострадала в погребальном огне, следы росписи незначительны. Это большая тарелка с высоким поддоном. Как пишет Т. И. Макарова, исследовавшая эти вещи, „происхождение всех трех изделий из одного византийского центра не вызывает особых сомнений“ (МАКАРОВА 1972, 7). Художественную керамику часто относят к объектам внешней торговли, но число таких находок на Руси не велико.

Из Херсонеса (Крым) происходит бронзовый замочек в виде фигурки животного, м. б. собачки.

В гнездовском кладе 1867 г. (его часто ошибочно относят к 1868 г.) вместе с вещами, где много предметов скандинавского происхождения, найдена восточная коробочка — канторга. Иногда считают, что этот клад зарыт скандинавским купцом, которые играли известную роль в восточной торговле, что засвидетельствовано не только археологическими материалами, но и письменными источниками, в частности, Записками Ибн Фадлана. В этом кладе наряду с другими вещами имеются и прекрасные экземпляры зерновых лунниц. О происхождении таких вещей среди археологов единого мнения нет. Часто считают их восточными изделиями. Но подобные предметы имеются и в моравских древностях, причем в Моравии они датируются более ранним временем.

Вообще же, украшения в виде лунниц широко известны уже в железном веке Европы.

Таким образом, археологические материалы свидетельствуют о торговле с Византией. Вероятно она была еще не развитой, так как византийских монет найдено немного, невелико и число объектов торговли. Постоянной, вероятно, была торговля бусами. Горчица — конечно случайный товар, но в нем сосредоточились главные желаемые качества: малый вес и высокая цена. Абсолютное преобладание товаров высокой цены а редкого спроса были особенностями дальней торговли в средне вековой Европе (СВАНИДЗЕ, А. А. 1985, 39).

Восточных монет в Гнездове встречено много. Они найдены в семи кладках с общим числом дирхемов 1139 экземпляров. Кроме того, в культурном слое городища и селища найдено 159 монет, в курганах — 72 экземпляра и 13 монет, точное место находки которых неизвестно (все подсчеты Т. А. Пушкиной). Для сравнения можно взять Новгород, где в слоях X — первой половины XI вв. в Неревском раскопе на площади около 3500 кв. метров найдено 10 монет и 2 кошелька с 9-ю монетами (КОЛЧИН 1956, 129—130). Правда, в четырех новгородских кладках было 1606 дирхемов. Много меньше чем в Гнездове, найдено дирхемов в Бирке.

Монетные находки в Гнездове отражают общерусские закономерности: торговля с Востоком велась ради получения главного товара — серебра. Дирхемы лежали в основе древнерусского денежного обращения. Монетное серебро было сырьем для ремесленников — ювелиров. Остальные восточные товары были менее важны, и это объясняет немногочисленность восточных вещей в Гнездове. Они представлены бронзовой иранской работы (Хорасан?) лампой в виде женской головы (ДАРКЕВИЧ 1976, 149, табл. 45:4—6). Малое количество иранской бронзовой посуды в русских древностях В. П. Даркевич объясняет тем, что она была тяжелой и занимала много места.

С востока на Русь массами поступали бусы из сердолика, горного хрусталя, аметиста и, как сказано выше, некоторое количество стеклянных бус. В течение всего домонгольского периода хрустальные и сердоликовые бусы, но уже несколько иных размеров, встречаются в курганных захоронениях, особенно вятичей. Между прочим, в тех же курганах XII—XIII вв. иногда находят ленточки из золотной ткани, которые, как думают, продавали бродячие купцы — офени.

В Гнездове найдены два экземпляра шарнирных ножниц. Это, вероятно, древнейшие находки в Европе ножниц этого типа. Они были изобретены на Востоке около VIII в. н. э. и еще в XI в. вызывали удивление. В их импортном происхождении уверенности, однако, нет: техника их кузнечного исполнения весьма близка древнерусской.

Западные связи в археологическом материале Гнездова проявляются меньше всего. Отмечен один топорик моравского типа, несколько женских височных колец с „подвеской“, близкие моравским образцам, да одна западноевропейская монета (Фландрия, Болдуин IV, 989—1036) —

вот и все. Вместе с тем, в некоторых южных культурах, например, в роменской, отмечены достаточно многочисленные украшения типа моравских височных колец. Еще раньше высказывалось мнение о проникновении в Гнездово некоторых керамических форм, сходных с пражскими, через область лука-райковецкой культуры. Если эти связи существовали, то они говорят в пользу расселения славян со Среднего Днепра на север, при котором направляющей служила дорога по Днепру и его притокам. При развитии вспомогательных методов — спектрального, структурного и иных, возможно, что число опознанных импортов увеличится.

При этом не следует забывать, что далеко не все вещи-товары оставили какой-то след. Так, источники настойчиво упоминают о торговле рабами, которую вели русы на Волге, а также в Византии. Не оставили следов меха и шкуры, воск и мед, но без упоминания этих товаров наша картина была бы неполной.

Походы на Киев по Днепру Аскольда и Дира (862 г.), Олега (882 г.) не оставили никаких археологических, следов, по-видимому, потому, что они, во первых, были первыми робкими попытками варягов пройти по этому неизведанному пути, а, во-вторых, вероятно отряды этих конунгов были не столь большими, как это описывает летопись. Недаром киевский гарнизон Аскольда и Дира Олег предпочел одолеть хитростью, а не могучим ударом, как было бы, если бы войско Олега было бы значительным. Вероятно, войско Олега составлял лишь небольшой отряд, и не мудрено, что горстка воинов не оставила своих следов на днепровском пути. В Гнездове нет ни монетных кладов IX в., ни погребальных комплексов этого столетия, нет таких кладов и древностей по всему пути по Днепру, что вполне соответствует заключению В. Л. Янина о начале функционирования Великой водной дороги не раньше начала X в.

Автор не ставил перед собой задачу исследования торговых путей. Этому вопросу посвящена обширная литература, основательно его запутавшая. Но трудно сдержаться, чтобы не упомянуть о трудностях, встающими перед исследователями, которые ищут пути, связывающие Гнездово с Волгой, на которой стоял Болгар — международная ярмарка. Письменные источники по этому вопросу весьма малочисленны, а археологическая топография изучается вновь и вновь, но материалов для заключений не дает. То, что эти связи были — сомнений нет. Но как они осуществлялись? Здесь пока господствуют лишь догадки.

Обзор гнездовских импортов несомненно свидетельствует о большой роли Гнездова на пути „из варяг в греки“, о связях этого поселения со Скандинавией, Византией, Болгаром и намекает на его югозападные связи, может быть, моравские.

ЛИТЕРАТУРА

- AVDUSIN, D. A. 1969: Smolensk and the Varangians according to the Archaeological Data. Norwegian Archaeological Review, No. 2, 52—62. Oslo.
- АВДУСИН, Д. А. 1972: Гнездово и днепровский путь. В кн.: Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию А. В. Арциховского. Москва 1972, 152—169.
- АВДУСИН, Д. А. 1974: Скандинавские погребения в Гнездове. Вестник Московского университета, серия история, № 1, 74—86.
- AVDUSSIN, D. A. 1977: Gnezdovo — der Nachbar von Smolensk. Zeitschrift für Archäologie 11, No. 2, 263—290. Berlin.
- АВДУСИН, Д. А.—ПУШКИНА, Т. А. 1982: Гнездово в исследованиях Смоленской экспедиции. Вестник Моск. унив., сер. 8 — ист., № 1, 68—80.
- АВДУСИН, Д. А.—ПУШКИНА, Т. А. 1987: Два камерных погребения в Гнездове. Fornvännen, Stockholm. (печатается)
- АВДУСИН, Д. А.—ТИХОМИРОВ, М. Н. 1950: Древнейшая русская надпись. Вестник Академии наук СССР, № 4, 71—79.
- АРНЕ, Т. И. 1928: Китайская чашка из Владимирской губернии. Труды секции археологии ИАИ РАН ИОН, т. IV, 27—28. Москва.
- АСТАШОВА, Н. И. 1974: Энколпион из Гнездова. Сов. арх., № 3, 249—251.
- ДАРКЕВИЧ, В. П. 1976: Художественный металл Востока. Москва.
- HÄGG, J. 1974: Kvinnodrakten i Birka. Uppsala.
- КОЛЧИН, Б. А. 1956: Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА 55. Труды Новгородской арх. эксп., т. I, 44—137.
- МАКАРОВА, Т. И. 1972: Поливная керамика в Древней Руси. Москва.
- ПУШКИНА, Т. А. 1972: О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси. Вестник Московского университета, серия история, № 1, 92—94.
- СВАНИДЗЕ, А. А. 1985: Деревенские ремесла в средневековой Европе. Москва.
- ФЕХНЕР, М. В. 1959: К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Труды Государственного исторического музея, вып. 33. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. 149—224. Москва.
- ФЕХНЕР, М. В. 1980: Испано- русская торговля XII в. В сб.: История и культура Евразии по археологическим данным. Москва.
- ЯКОБСОН, А. Л. 1951: Средневековые амфоры Северного Причерноморья. Опыт хронологической классификации. Советская археология XV, 325—344.

ARCHEOLOGICKÉ DOKLADY O VNĚJŠÍCH KONTAKTECH GNĚZDOVA

Autor — dlouholetý vedoucí výzkumu proslulého mohylníku 10.—11. století u Gnězdova, ležícího na mezinárodní raně středověké dněperské obchodní magistrále — vychází při studiu sledovaného problému z nálezů získaných na této lokalitě v průběhu více než jednoho století. Shledává, že předměty skandinávského původu — spony, zbraně, kování koňských postrojů, kultovní předměty aj. — nemohly být obchodním artiklem, ale dostaly se do hrobů s jejich majiteli. Obchodem sem však pronikly věci byzantského původu — skleněné korály, hedvábné látky, byzantské mince, amfora s kyrilským nápisem „hořčice“ a zlomky glazovaných talířů. Směnnými styky lze vysvětlit i nálezy arabsko-orientálního původu, především stříbrné dirhemy (z Gnězdova jich pochází více než ze švédské Birky), které sloužily jako surovina staroruským šperkařům, dále korály z polodrahokamů a jiné

předměty malé hmotnosti a vysoké hodnoty, které byly zvlášť vhodné pro dálkový obchod. Kovové tepané nádoby iránského původu se pro svou velikost a značnou váhu dostaly po dálkových trasách na Rus jen ojedinelé: v Gnězdově je to kahan v podobě ženské hlavy. Věci západního původu jsou vzácné: mohly to být stříbrné granulované lunice známé z moravského prostředí 9. stol., ale běžné i v poněkud mladších orientálních importech, dále železná sekerka moravského typu a několik náušnic se závěsky blízkých moravským předlohám, a konečně ojedinelá západoevropská mince.

Autor konstatuje, že převážná část obchodních artiklů zmiňovaná v písemných pramenech — otroci, kožešiny, med a vosk — je archeologicky nepostizitelná. Přesto i to, co plyne z archeologických pramenů, svědčí o rozsáhlých kontaktech Gnězdova se Skandinavií, Byzancí, arabským světem a naznačuje i styky s jihuzápadem, patrně i s Moravou.